

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Собрание сочинений

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

Г. И. ВЛАДЫКИНА,

А. И. РЕВЯКИНА, В. А. ФИЛИПОВА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1959

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Собрание сочинений

ТОМ ТРЕТИЙ

ПЬЕСЫ

1862—1864

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1959

Подготовка текста пьес и примечания к ним
С. Ф. Елеонского («Грех да беда на кого
не живет», «Тяжелые дни»), А. И. Ревякина.
(«Козьма Захарьич Минин, Сухорук» — 1-я
и 2-я редакции), И. А. Ревякиной
(«Шутники»)

ПЬЕСЫ

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

*Драматическая хроника
в пяти действиях, с эпилогом, в стихах*

[Первая редакция]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(25 августа 1611 года)

ЛИЦА:

Козьма Захарьич Минин, Сухорук, земский староста
Нижнего посада.

Иван Иванович Биркин, стряпчий, присланный в Ниж-
ний Ляпуновым для совету.

Василий Семенов, дьяк, старый человек.

Алексей Михайлович Поспелов, боярский сын.

Петр Аксенов, старик, богатый торговый человек.

Баим Колзаков, стрелецкий сотник.

Роман Пахомов, боярский сын } гонцы из Москвы.

Родион Мосеев, посадский }

Василий Лыткин (лет пятидесяти) } торговые люди.

Павел Темкин (лет тридцати пяти) }

Семен Губанин (лет двадцати) }

Гриша, юродивый мальчик.

Павлик (писчик), писарь Биркина.

Марфа Борисовна, богатая вдова.

Всякие люди нижегородские обоего пола.

Часть Нижнего посада, близ Кремля: направо и налево де-
ревянные лавки, на заднем плане деревянный гостинный двор,
за ним видна гора и стены Кремля; налево, в заднем углу, на
пригорке, башня и ворота в Кремль. Направо продолжение
Нижнего посада. Вдоль лавок деревянные мостки с навесом для
пешеходов; у растворов скамьи и раздвижные стулья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В гостином дворе торговцы в лавках и у лавок; проходит народ, некоторые останавливаются и покупают разные вещи. Слышны голоса: «Здесь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди, зипун! Из Решмы, с оторочкой». Петр Аксенов сидит на скамье у своей лавки (крайней справа). Василий Лыткин входит, отпирает крайнюю лавку с противоположной стороны; заставляет ее скамьей и подходит к Аксенову.

Аксенов

Здорово ль, кум?

Лыткин

Здорово, Петр Аксеныч.

Тебя как милует господь?

Аксенов

Спасибо!

Живем-таки. Что господа гневить!

Откуда, Вася?

Лыткин

С низу, из Казани;

Да позамешкался в дороге малость.

Домашние здоровы ль?

Аксенов

Все здоровы.

Лыткин

Не слышно ль из Москвы каких вестей?

Аксенов

Хорошего не много.

Лыткин

Да уж где нам!

Не до хорошего теперь, Аксеныч!

Поменьше бы худого, так и ладно.

Аксенов

Толкуют много. Может, что и есть

Новее, только хуже уж навряд ли.

Лыткин

А что?

Аксенов

Да якобы, грех наших ради,
Святого патриарха Ермогена
Михайло Салтыков да вор Андронов
С его вселенского престола свергли
И в тесном заточении томят.

(Тихо.)

Толкуют, что Михайло Салтыков
Ножом на патриарха замахнулся,
И проклят им отныне и до века.
Собака!

Лыткин

Ой! Ужли? Ах, грех какой!

Аксенов

Как терпит праведный господь злодеям!

Лыткин

Беда нам, Петр Аксеныч, всем беда!
Вот до чего дожить нам привелось!
Я вот боюсь, у нас-то все ли тихо?

Аксенов

Здесь тишь да гладь да божья благодать.
Как за стеной живем за воеводой
Алябьевым. Дай бог ему здоровья!
Да и в народе смуты не слышать;
Мордва да черемиса задурила,
Да присмирела.

Лыткин

Что Кузьма Захарыч?

Аксенов

Душой болезует, скорбит. Сам знаешь,
Не радуется ничто. О земском деле
Печалится один за всех.

Лыткин
Здоров ли?

Аксенов

Бог милует. Кузьма Захарыч дорог
Нижегородцам. За его здоровье
Все молимся. Он твердо, неослабно
За веру православную стоит;
По площадям да по базарам ходит;
Разумными речами утверждает
В народе крепость!

Лыткин

Что и говорить!

Радетель!

Аксенов

Диво это, брат Василий,
Как умудрил его господь речами!
Нас, стариков, к себе собирает на дом,
Да и беседуем до поздней ночи:
Ты, как дурак, сидишь разиня рот,
Вот так тебя слеза и прошибает,
Все слушал бы, кажись, и не ушел бы.
Вот какова его беседа!

Лыткин

Что же

Он говорит такое?

Аксенов

Эх, брат Вася,

Зачем тебе чужое дело знать!
Чай, своего довольно!

Лыткин

Не чужие

Ни ты, ни он: свои, чуть не родные.

Аксенов

Свой-то мы свои, да вот что, друг:
Уж очень это дело-то велико,

А у тебя язык некстати долог.
А, веришь ли, так душу и мутит,
Когда святое дело осрамляют
Речами праздными. Зело противно!
Как если пес какой нечистым рылом
Нанюхает на трапезе хлеб-соль:
Так все одно и это.

Лыткин

Я, Аксеныч,
Вот видит бог, ни слова!

Аксенов

Не божись!

Ну, слушай; да язык-то за зубами
Поддерживай! Затеи-то велики,
А что даст бог, увидим. Сам ты знаешь,
Что вера гибнет, что ругатель-враг
Нас одолел, что православным тесно,
Что стон и плач сирот и горьких вдов,
Как дымный столб, на небеса восходит.
Вот, глупый человек, мы и толкуем,
Что легче смерть от острия меча,
Чем видеть, как ругаются святыней.
Вот и толкуем, как бы ополчиться
Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить,
От всякой погани.

Лыткин

Аксеныч, страшно!
В разор нас разорят и животишки
Пограбят все: куда с детьми деваться!
Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!

Аксенов

Да ты крещен аль нет?
Аль животы тебе дороже веры?
А братия? А слезные писанья
Из-под Москвы? И это ничего!
Пусть умирают, нам тепло да сыто?

Лыткин

Не обижай! Я от миру не прочь.
Уж коли все, и я.

Аксенов

Смотри, Василий!
Рцы слово твердо и назад не паться.

Подходят Темкин и Губанин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Темкин и Губанин.

Темкин
(Лыткину)

А, живая душа! Воротился? За барышами ездил,
с татарами торговал?

Губанин

Как ему не торговать!

Темкин

Хорошо ли съездил? Чай, мощну-то туго наколотил?

Лыткин

Да, наколотил, как же! Ты спроси, свои-то целы ли.
Нажил добра! На харчи не хватило.

Губанин

И как это тебе только не стыдно людей морочить!
Вестимо, даром не поедешь! Что, мы тебя ограбим,
что ли?

Лыткин

Не к тому, друг, что ограбишь. Где ограбить! А вот.
право, тебе, как перед истинным...

Темкин

А я вот что скажу: доведись мне, я бы тебя ограбил.

Лыткин

Что ты, что ты! В своем ли ты разуме?

Темкин

Да уж ограбил бы: верно говорю. За то за самое, что денег у тебя больше всех, а ты все сиротой притворяешься.

Лыткин

Нечего в чужой мощне считать, ты считай в своей!

Губанин

(увидав Пospелова, который выходит из Кремля)

Вон Алексей Михайлович идет.

Темкин

Вот душа-человек! Нужды нет, что из боярских детей, а много проще нашего брата будет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Пospелов.

Аксенов

Куда гулять изволишь, Алексей Михайлович?

Пospелов

Пришел тебя проведать.

Аксенов

Спасибо! Ты отколь?

Пospелов

Я из собора.
Вестей несу; да только не взыщите,
Не много радости. Роман Пахомыч
Да Родион Мосейч прибежали
Из-под Москвы; отписки привезли.

Аксенов

Ты видел их?

Поспелов

Нет, не видал; Кузьма
Захарыч сказывал. К нему и стали.
Сряжаются на воеводский двор
Несть грамоту от патриарха.

Аксенов

Чудо

Великое творится. Божьи люди
Между врагов бестрепетно проходят
К святому патриарху и разносят
По всей земле его благословенья
И грамоты.

Ну, Алексей Михайлыч,
Уж худо ль, хорошо ли, — не томи,
Рассказывай, какие слышал вести.

Поспелов

Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казаками.

Аксенов

Да что же за напасти
Такие!

Губанин

Вот беда-то, вот поруха
Для дела земского!

Аксенов

Кабы не ты
Рассказывал, ни в жизнь бы не поверил.

Лыткин

Теперь такое время, Петр Аксеныч,
Хорошему не верь, а что дурное
Услышишь, это, брат, уж верно правда.

Темкин

Так подошло, хоть не живи на свете!

Аксенов

Бедам конца не видно. Знать, господь
Нам прегрешений наших не отпустит
И до конца нас хочет погубить.

Поспелов

Да, Петр Аксеныч, времена плохие!
Москва разорена, в народе шатость
Да рознь, за что стоять, не знают;
Целуют крест неведомо кому!

Аксенов

Еретикам, латинцам да ворам,
Кому попало.

Поспелов

Новгород Великий

Из Швеции царевича зовет;
А сын Жигмонтов, Владислав-царевич,
В Москву идет; во Пскове новый вор,
Такой, что и сказать-то непригоже;
Маринкин сын, Ивашко, тоже царь.

Аксенов

А что же рать, что под Москвою в сборе?
Что воеводы?

Поспелов

Разно разошлись —

Которые домой, другие грабить.
Что воры не успели, то они
У православных христиан растащат.

Аксенов

Ужли ж совсем оставили Москву?

Поспелов

Остались под Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой да атаман Заруцкий.

Аксенов

А что ж они?

Поспелов
Они-то? Целовали
Псковскому ведомому вору крест.
Все пошатнулись.

Аксенов
Наше место свято!
Вбегает юродивый.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и юродивый.

Аксенов
Откуда, Гриша?
Юродивый
Ась?
Аксенов
Откуда, мол?

Юродивый
В монастыре обеденку стоял,
И панихиду пели, поминали...

Аксенов
Кого?
Юродивый
Раба Прокофья.

Аксенов
Упокой,
Господь, в святых твоих селеньях душу
Раба Прокофья!

Все
Упокой, господь!
Юродивый
Он, говорят, был добрый. Я поплакал
И помянул. Подайте на дорогу!